

К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА: ПРИЧИННАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Н. А. Караваева

Воронежский государственный университет

В статье рассматривается проблема интерпретации ситуаций, представленных в рамках так называемых причинно-аргументирующих предложений в русском и английском языках.

*«Наши заключения основаны на двух великих принципах, на принципе противоречия и принципе разумной достаточности (*ratio sufficiens*), в силу которого мы принимаем, что ни один факт не является истинным или действительным, ни одно положение не является истинным, без того, чтобы не было достаточного основания, почему оно таково, а не иначе, хотя основания эти в большинстве случаев могут быть неизвестными».*

Г. Лейбниц

Трудно переоценить важность правильной трактовки смыслов текста оригинала при переводе. «Переводчики... априорно исходят из того, что текст оригинала понят полностью, поэтому герменевтический аспект перевода оказался менее разработанным, чем трансформационный» [1, 516]. Такой подход становится основой для огромного количества ошибок в переводах, в том числе ошибок в понимании ситуаций, описываемых, например, в рамках сложного предложения (СП). Определенные проблемы могут вызвать так называемые причинно-аргументирующие предложения.

Внимание к семантическому аспекту сложно-подчиненных предложений (СПП), выражающих причинно-следственные отношения, обусловило их разделение на СПП с собственно-причинным и причинно-аргументирующим значением. Так, например, авторы Грамматики-80 подразделяют все причинные предложения на конструкции, выражающие отношения *собственно-причинные* (когда «придаточная часть сообщает о непосредственной истинной причине того, о чем говорится в главной части»: Она не приехала, потому что заболела) и *несобственно-причинные* (когда «ситуация, представленная в придаточной части, является лишь внешним поводом или косвенным свидетельством, используемым как аргумент для умозаключения о том, что сообщается в главной части»: Наверное, ночью был дождь, потому что крыши домов мок-

рые). В последних реализуются такие частные значения каузальности, как «необходимое основание, порождающий фактор, побочный фактор, обоснование, подтверждение, доказательство, довод, предпосылка, прямое или косвенное свидетельство, повод, предлог, стимул» [2, 577].

В 50-е гг. ученые-синтаксисты обратились к наблюдению, сделанному А. М. Пешковским, но не получившему дальнейшего развития в его работах, а именно, что в ряде СПП (в том числе, причинно-следственных) союз может являться инверсивным, «переворачивающим факты» [9, 491]. На основании данного наблюдения А. Н. Суворцев сделал вывод о существовании в русском языке так называемого «обратного подчинения» [10]. Эта идея впоследствии получила признание в «Русской грамматике» 1980 г., а также в работе А. К. Федорова, объяснившего суть данного явления следующим образом: «по смыслу главное предложение зависит от придаточного, поясняет его, а грамматически придаточное зависит от главного, что выражается наличием в составе придаточного подчинительного союза или союзного слова» [11, 14]. По мнению А. К. Федорова, конструкции с союзными словами типа *почему*, *отчего* и т.д. (например, «Вешние воды прошли бурно, почему уже в начале апреля шумели скворцы») представляют не что иное, как СПП с обратным подчинением. Такие предложения обобщенно указывают на причину, обозначенную главным предложением, а придаточное при этом выражает «следствие, вытекающее из этой причины» [11, 19].

По мнению автора, кроме вышеуказанных союзных слов в причинных СПП с обратным подчинением могут употребляться и составные союзы типа *потому что*, причем если в предложениях с прямым подчинением эти союзы могут быть расчленены без какого бы то ни было «ущерба» для смысловой нагрузки данного предложения («при этом только усиливается смысловый вес придаточного» — [11, 21]), то подобное расчленение союза

в обратноподчиненном предложении может привести «к изменению смысловых и синтаксических отношений между частями СП. Например: Антон Иванов потрепал одну лошадь по шее, потом взял ее за ноздри и потряс в обе стороны, чем та, казалось, была недовольна, *потому что* оскалила зубы и тотчас же фыркнула... — Лошадь, казалось, была недовольна *потому, что* оскалила зубы» [11, 21].

На основании подобных наблюдений делается вывод о том, что причинные СПП с прямым подчинением являются так называемыми *собственно причинными*, а с обратным подчинением — *несобственно причинными*, с придаточными, «содержащими основание для вывода» [11, 25]. Таким образом, в один разряд попадают причинно-аргументирующие предложения с союзами и предложения с союзными словами (в которых придаточные, кстати, далеко не всегда «представляют основание для вывода»).

«Русская грамматика» 1980 года подвела своеобразный итог изучению СПП вообще и СПП, выражающих причинно-следственные отношения, в частности, с позиций формально-грамматического и, отчасти, структурно-семантического подхода. С выходом ее в свет стало ясно, что настала пора формирования нового подхода, в рамках которого сложноподчиненное предложение рассматривалось бы со стороны его содержательных свойств. В настоящее время этот подход находится в стадии становления. Начало ему положили работы, в которых была предпринята попытка разбить СПП на особые, содержательные по своему характеру, блоки. Так, в частности, был выделен особый блок СПП, составляющие которых организованы по принципу «порождающее — порожаемое». В этот блок включены СПП, выражающие условные, уступительные, целевые и причинно-следственные отношения [3; 4].

В дальнейшем семантизация анализа сложного предложения выразилась в попытке А.М. Ломова и Р. Гусмана Тирадо отыскать различия между подчинением, сочинением и бессоюзным соединением в используемых ими способах организации информации и на этой основе по-новому взглянуть на привычные явления [8, 59]. Подчинение, по их мнению, предполагает включение информации, передаваемой придаточным, в главное («включение-1»), или наоборот — включение информации главного в придаточное («включение-2»). При этом констатируется, что придаточное предложение грамматически всегда зависит от главного «либо потому, что оно *обязано* восполнить информаци-

онную недостаточность главного, либо потому, что оно *вынуждено* усваивать информацию, передаваемую главным предложением» [8, 59]. Придаточные, образованные на основе включения-1, называются автосемантическими, а придаточные, образованные на основе включения-2 — синсемантическими¹. Такая точка зрения представляется не только актуальной, но и логичной, поскольку, с одной стороны, позволяет избежать многих неясностей, характерных для формально-ориентированного подхода, а с другой, открывает новые горизонты в плане изучения сложного предложения как в русском, так и в других языках, в частности, в английском. Последнее обстоятельство приобретает особую важность в связи с тем, что отечественные и зарубежные лингвисты, работающие на материале английского языка, прошли такой же путь, что и их коллеги, изучавшие русское предложение: от логического подхода к формально-грамматическому, а затем структурно-семантическому [5; 14; 15; 16]. Следует особо отметить, что исследуемые предложения в указанных источниках не выделяются в отдельную группу, то есть их специфика совершенно не учитывается, что, на наш взгляд, неправомерно, ведь в причинно-аргументирующих предложениях в качестве основания представлена так называемая «нехарактерная» информация, то есть такая, которая описывает не само событие, а соотносимые с ним явления, на основе которых говорящий делает определенный логический вывод. В ряде случаев адресант подвергает достоверность собственного вывода сомнению, и тогда в главной части появляются квалификаторы истинности называемого вывода. Это происходит тогда, когда в качестве основания выступает недостаточная с точки зрения говорящего информация: *Perhaps we begin to doze. For it is not till the draining gurgle from the bathroom and damp scuffling of the old woman's towel that we notice the box, halfway up the wall next to the lamp (J. Galloway) — Наверное, мы начинаем засыпать. Потому что, только когда мы слышим, как булькает спускаемая в ванной вода и шуршит полотенце, мы замечаем, наконец, коробку, висящую на стене, точно посередине между полом и потолком, рядом с лампой.*

При переводе, в первую очередь, с русского языка на английский, важно иметь в виду, что в английских причинно-аргументирующих предложениях сигналом высокой степени *неуверенности*

¹ При этом отвергается крайне противоречивое понятие «обратное подчинение» (см. выше).

автора высказывания в достоверности вывода служат только *лексические* квалификаторы истинности сообщаемого (*perhaps* — наверное, *maybe* — может быть, *I suppose* — я полагаю, *I think* — я думаю): *I hadn't eaten so I suppose it was going straight into the bloodstream because I was dizzy when I stood up (J. Galloway) — Я перед этим ничего не ела, так что, видимо, он немедленно попал в кровь, потому что меня зазнобило, когда я встала.* Напротив, сигналом высокой степени *уверенности* говорящего служат как *лексические* (*evidently* — явно, *surely* — наверняка), так и *грамматические* квалификаторы: сочетания модального глагола *must* с различными формами инфинитива: *This time it was an old lady, evidently a regular caller, for Boon rolled one eye in despair at the sound of her slow, quavering voice (D. Lodge) — На сей раз это была какая-то пожилая женщина, явно звонившая регулярно, так как Бун в отчаянии завращал одним глазом, как только услышал звук ее медленного, дрожащего голоса; Well, after what you'd said in your last letter about Mr. Zapp's reputation, I drew my own conclusions, which must have been pretty clearly written on my face, for he hastily assured me that he was not responsible (D. Lodge).* По нашему мнению, русским эквивалентом данного сочетания является фраза «должно быть» или наречие «очевидно». В переводе романа Д. Лоджа на русский язык приведенный выше пример звучит следующим образом: *Ну, после того как ты написал мне, какой репутацией пользуется мистер Цапп, я сразу сделала соответствующие выводы, и это, очевидно, отразилось на моем лице, так как он поспешил заверить меня, что он тут ни при чем.* В соответствующих русских СПП употребляются только лексические квалификаторы истинности сообщаемого: наречия *видимо, по-видимому, наверное, вероятно, очевидно, безусловно, несомненно* и фразеологически связанные словосочетания типа *может быть, скорее всего, должно быть.*

Необходимо при переводе учитывать и определенные темпорально-аспектуальные особенности исследуемых предложений в русском и английском языках.

Темпоральность в русском языке выражают две категории — категория *глагольного времени* и категория *таксиса*. Назначение категории глагольного времени заключается в *расстановке сообщаемых событий на временной оси*. Три формы времени в русском языке указывают «на то, как соотносится бытие с некоторым абстрактным временным отрезком, принятым за «условный

координатный нуль»: оно является одновременным с ним (форма настоящего времени), следует за ним (форма будущего времени), предшествует ему (форма прошедшего времени)» [6, 55]. Существует две системы временного отсчета: *абсолютная*, которая «предполагает отождествление ориентира с моментом данной речи», и *относительная*, которая «прибегает к дополнительному ориентиру, равняясь на какие-то другие временные отрезки, положение которых по отношению к основному ориентиру — моменту речи уже известно» [6, 55]. Относительная система отсчета времени предполагает два варианта реализации — «исторический» (относительный ориентир — в прошлом) и «профетический» (относительный ориентир — в будущем). При этом в первом варианте «смену временной ориентации регистрируют только формы настоящего и будущего времени», а во втором — формы настоящего и прошедшего времени: *...Март 1943 года. Авиационная база Пайк-Райлинг в полутора часах езды от Лондона. Сюда прибывает соединение тяжелых американских бомбардировщиков Б-17... Отсюда поднимет в небо свою машину капитан Уильям Сиддлкоф Мерроу...; Ромашов поразительно живо увидел себя ученым офицером генерального штаба... Вот начались маневры... Полковник Шульгович не понимает диспозиции, путается, суетит людей и сам суетится... [6, 56].*

Назначение категории таксиса заключается в *определении характера временного соотношения сообщаемого события к другому событию*. Само понятие «таксис» было определено Р. О. Якобсоном: согласно его теории, таксис является категорией, не содержащей указаний на отношение сообщаемого факта и его участников к факту сообщения либо к его участникам, в отличие от, например, наклонения или засвидетельствованности [13, 101]. Таксис существует в любом языке, «однако как особая грамматическая категория, отличающаяся от вида и времени, — лишь в тех языках, где имеется соответствующая система грамматических форм» [12, 504], например, в английском. В сфере таксиса различают *зависимый* (грамматическим центром которого в русском языке являются конструкции с деепричастием совершенного и несовершенного вида) и *независимый* таксис, представленный сочетаниями видо-временных форм.

Категория глагольного времени и категория таксиса тесно взаимодействуют с категорией *глагольного вида*, назначение которой заключается в

раскрытии структуры событий с точки зрения их протекания во времени. Так, совершенный вид указывает «на некий целостный факт, ставший таковым по достижении действием некоторого предела (границы)» [7, 29]. Несовершенный вид «обозначает действие безотносительно к признакам целостности и достигнутого предела (границы)» [7, 29]. Рассматриваемая категория, наряду с так называемым аспектуальным контекстом и разнообразными акциональными значениями, входит в функциональную подсистему аспектуальности. Аспектуальная квалификация бытия «носит двухуровневый характер: единичное (разовое) бытие противопоставляется кратному (циклическому) бытию, а затем первое характеризуется по ряду параметров, может быть представлено как процесс, обобщенный факт, результат ранее совершенного действия и т.д. [6, 58].

Категория глагольного времени реализуется преимущественно в абсолютной системе временного отсчета. При этом в СПП с автосемантическими придаточными причины в главной и придаточной частях возможно употребление и совершенного, и несовершенного вида, реализующих самые разные аспектуальные значения. Важно отметить, что вид играет очень важную роль в установлении таксисных отношений. Именно его категориальные формы в тесном взаимодействии с категориальными формами времени (а не одни только последние!) определяют сущность этих отношений.

В рамках абсолютной системы временного отсчета описываемые в предложениях с придаточными причинно-аргументирующего значения ситуации являются *единичными* или, значительно реже, *кратными*. В них преобладают таксисные отношения *следования*, поскольку основание предшествует выводу. Возможны также отношения *частичной одновременности*².

В рамках одного временного плана отмечены следующие сочетания, которые свидетельствуют об отношениях *следования*: *прошедшее НСВ глав. / прошедшее СВ придат.*, *прошедшее СВ глав. / прошедшее СВ придат.*: *По-видимому, в этот раз Грэй имел больше успеха, чем с просто-*

душным Пантенном, так как крейсер, помедлив, ударил по горизонту могучим залпом салюта... (А. Грин); Видимо, она все-таки добралась до дома, потому что через месяц я услышала от кого-то, что ее снова видели во дворе (из телепередачи).

Отношения *частичной одновременности* выражаются с помощью следующих видо-временных сочетаний: *прошедшее НСВ глав. / прошедшее НСВ придат.*, *настоящее НСВ глав. / настоящее НСВ придат.*, *прошедшее СВ глав. / прошедшее НСВ придат.*: *Наверное, мы делали все правильно, потому что Алексей Петрович, сидевший у выхода, одобрительно качал головой и улыбался (из газет) — Наверное, мы делаем все правильно, потому что Алексей Петрович качает головой и улыбается; Видимо, он частенько бил ее, потому что она все время, даже когда было очень жарко, куталась в платок, стараясь спрятать руки и грудь от любопытных взглядов (из газет); Гез кратко приветствовал меня, и я заметил, что он не в духе, так как избегал моего взгляда (А. Грин).*

Нами отмечено лишь одно видо-временное сочетание, характеризующее отношения последовательности при расхождении временных планов: *настоящее НСВ глав. / прошедшее СВ придат.*: *Наверное, это все-таки письмо для меня, потому что оно попало ко мне в ящик (разговорная речь).*

В рамках относительной системы временного отсчета возможны как исторический, так и профетический варианты, однако такие предложения встречаются крайне редко: *Пройдет несколько дней, и, очнувшись, она поймет, что этот листок нарисован на стене противоположного дома, потому что он не будет шевелиться даже при сильнейших порывах ветра; Воображаю, как он приходит ко мне и говорит, что влюблен, что жить без меня не может, а сам, очевидно, страшно боится, что я ему откажу, потому что бледен как полотно и губы у него дрожат...*

В абсолютной системе временного отсчета ситуации, называемые в частях английских предложений с придаточными причинно-аргументирующего значения, являются *единичными* или, значительно реже, *кратными*. В них возможны отношения *следования*, *частичной* и *полной одновременности*. Как отмечалось выше, весьма частотным является употребление в главной части причинно-аргументирующих предложений сочетаний модального глагола *must* с различными временными формами смысловых глаголов, указывающих на высокую степень уверенности автора в вероятности собственного вывода.

² Подчеркнем, что при описании таксисных отношений мы исходим из того, как относится генерируемая ситуация к генерирующей. Если же опираться на формальные свойства рассматриваемых предложений и учитывать характер отношения главного предложения к придаточному, таксисные отношения, понятно, приобретают несколько иной вид. В частности, в этом случае пришлось бы говорить о том, что в причинных конструкциях ситуация главной части следует за ситуацией придаточного, а в следственных, наоборот, ситуация главного предшествует ситуации придаточного.

При номинации единичных ситуаций *отношения следования* в рамках разных временных планов выражаются с помощью следующих сочетаний видо-временных форм:

— (*must + Present Perfect Continuous*) + *Past Indefinite*: *His name was Russell and he must have been watching their approach in their rear-view mirror for he sprang out of the car as they approached it from behind and gave Leonard's hand a ferocious shake* (I. McEwen) — **Его звали Рассел, и он, должно быть, наблюдал за их приближением в зеркало заднего вида, потому что, как только они подошли, он выскочил из машины и крепко пожал руку Леонарду;**

— (*must + Present Perfect*) + *Past Perfect*: *...the manager must have just put it there, because the crowd had gathered to read it* (P. Ackroyd) — **...должно быть, управляющий только что повесил его, потому что толпа собралась вокруг, чтобы почтитать, что там было написано.**

Отношения *частичной одновременности* в рамках одного временного плана передаются с помощью следующего сочетания:

— *Past Indefinite + Past Indefinite*: *Anyway, I began to think more kindly of Mr. Zapp, which was rather fortunate for him, as he turned up again yesterday evening to beg a rather odd favour* (D. Lodge) — **Короче говоря, я несколько изменила свое мнение о мистере Цанпе в лучшую сторону, что, несомненно, было ему очень на руку, потому что он опять появился вчера с очень странной просьбой.**

В рамках разных временных планов *отношения частичной одновременности* представлены следующими сочетаниями:

— *Past Indefinite + Present Indefinite*: *I knew he was mad the first time I saw him, or half-mad, because it only shows in one eye and he's cunning enough to keep it closed most of the time...* (D. Lodge) — **Я понял, что он сумасшедший уже при первой встрече, или полусумасшедший, потому что у него только один глаз ненормальный, но он, хитрюга, большую часть времени держит его прикрытым;**

— (*must + Present Perfect Continuous*) + *Past Continuous*: *I must have been doing something because the next thing Sam was having to change the record* (J. Galloway) — **Я, наверное, был чем-то занят, потому что Сэму самому пришлось менять пластинку.**

Наконец, *отношения полной одновременности* в рамках одного временного плана фиксируют следующие видо-временные сочетания:

— *Past Indefinite + Past Indefinite*: *Fortunately, someone was in the house, because he could hear music playing faintly...* (D. Lodge) — **К счастью, кто-то был в доме, потому что он услышал тихую музыку...;**

— (*must + Present Perfect*) + *Past Indefinite*: *He must have looked grim and resentful, because she put a hand on his arm as he passed* (D. Lodge) — **Должно быть, он выглядел хмурым и обиженным, потому что она взяла его за руку, когда он проходил мимо.**

Нами зарегистрирован только один тип отношений, фиксирующих *кратные ситуации* — это *отношения полной одновременности*:

— *Present Indefinite + Present Indefinite*: *I'm sure they come here every day because they always leave something in the fridge* (ИИЖ 344) — **Я уверен, что они приходят сюда каждый день, потому что в холодильнике все время что-нибудь есть.**

Интересно отметить, что в ряде примеров наблюдается «несогласованность» систем временного отсчета главной и придаточной частей: абсолютная система в главной части и относительная — в придаточной:

— (*must + Perfect Infinitive*) + *Present Indefinite*: *But he must have spoken the thought aloud, because she asks him if Jane Austen was the name of his great-grandmother* — **Но он, видимо, произнес мысль вслух, потому что она спрашивает его, Джейн Остин — это случайно не имя его бабушки?;**

— (*must + Perfect Infinitive*) + *Present Indefinite*: *I assume I must have made it because when the noise of movement outside wakes me four hours later that is where I am* — **Должно быть, я все-таки добрался туда, потому что, когда я просыпаюсь от шума через несколько часов, я нахожусь как раз там.**

Такая несогласованность систем временного отсчета встречается только в языке художественной литературы, в монологической речи персонажа, причем рассматриваемым предложениям предшествует достаточно длинный отрезок текста, повествующий о размышлениях героя на определенную тему. В одном случае размышления (Р) прерываются неким событием (С), которое «возвращает» персонажа в «реальный мир» и дает ему понять, что именно он инициировал это событие каким-то своим поступком (П) (в первом случае — размышления о Джейн Остин (Р) → невольное произнесение ее имени вслух (П) → вопрос собеседницы (С)); в другом — у тяжело раненого героя есть определенная цель — добраться до некоего места, но он не может контролировать свои

действия, поскольку бредит. Когда же он все-таки приходит в себя, окружающая обстановка убеждает его в том, что он все-таки достиг своей цели, хотя и не помнит точно, каким образом, но предполагает (и почти уверен), что сделал это именно так, как планировал).

Итак, использование относительной системы временного отсчета в таких предложениях помогает автору сделать момент «возвращения» персонажа в реальную жизнь максимально ярким и реалистичным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Н. К. Гарбовский. — М., Изд-во МГУ, 2004.
2. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., «Наука», 1980.
3. *Евтюхин В.Б.* Категория обусловленности в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук / В. Б. Евтюхин. — С-Пб, 1997.
4. *Гусман Тирадо Р.* Генеративные сложноподчиненные предложения в русском языке / Р. Тирадо Гусман. — Воронеж, 1998.
5. *Лич Дж., Свартвик Я.* Коммуникативная грамматика английского языка (на английском языке). / Дж. Лич, Я. Свартвик. — М., «Просвещение», 1983.
6. *Ломов А.М.* Типология русского предложения / А. М. Ломов. — Воронеж, Изд-во ВГУ, 1994.
7. *Ломов А.М.* Очерки по русской аспектологии / А. М. Ломов. — Воронеж, Изд-во ВГУ, 1977.
8. *Ломов А.М., Гусман Тирадо Р.* Русское сложноподчиненное предложение и проблема его содержательной интерпретации // ВЯ, 1999, № 6. С. 54—65.
9. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — М., 1956.
10. *Суровцев А.Н.* К вопросу об «относительных» придаточных предложениях // Уч. записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1956. — Т. XV. — Вып. 4. С. 71—89.
11. *Федоров А.К.* Спорные вопросы теории сложноподчиненного предложения / А. К. Федоров. — Курск, Изд-во Курского педагогического ин-та, 1982.
12. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. — М., «Большая Российская энциклопедия», 1998.
13. *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М., «Наука», 1972. С. 95—113.
14. **Collins COBUILD English Grammar. London and Glasgow, 1990.**
15. *English Grammar. A University Handbook.* Leipzig, Verlag Enzyklopadic, 1977.
16. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Grammar of Contemporary English. London, Longman, 1972.